

СОЦИОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

(на материалах Байкальского региона)

*В.Л. Кургузов, д-р культурологии
ВСГТУ, Улан-Удэ*

В статье анализируются особенности категорий Пространства и Времени и особенности их роли в культурах Востока и Запада. Сформулирована авторская версия дефиниций «культурное пространство» и «культурная политика». С критических позиций рассмотрено сегодняшнее состояние культурной политики в Байкальском регионе и сделаны рекомендации по ее совершенствованию в ближайшей перспективе.

Ключевые слова: пространство, время, культура, культурная политика, Восточная Сибирь, байкальский регион, этносы.

Наверное, любой человек, почувствовавший на себе власть Пространства, согласится с автором статьи в том, что в пространстве есть какая-то магическая сила, влекущая к его разнообразию, зовущая войти внутрь его бесконечных тайн, узнать подробнее, в деталях, наполняющее его «вещество жизни». Словом, увидеть и понять, что же происходит важное, сокровенное «здесь и теперь», в невидимых сетях параллелей и меридианов, вертикалей и горизонталей, рубежей и направлений – всех тех пространственных характеристиках, которые облегчают или затрудняют наше земное существование.

Составляя, наряду со временем, главное свойство материи, главное условие нашего бытия, Пространство как его основополагающая географическая данность наполнено великим смыслом.

В текущей повседневности, обыденной жизни оно сбрасывает с себя категориальные, философские одежды. Не те-

ря своей природной самобытности, оно доверху заполнено плотью жизни, существует в понятиях, символах и направлениях, за которыми мы – современные люди со своими заботами, надеждами, огорчениями и радостями. Люди перемещаются в пространстве, движимые своими целями, что-то находят, что-то теряют. Оно, Пространство, порождает в нас что-то такое, о чем заметил однажды Ж. Жорес, говоря о русских, как о «широко разбросанном народе».

О «власти пространства над русской душой» писал Н.В. Бердяев: «Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности» [1. С. 67]. Особенно важно подчеркнуть то, что Н.В. Бер-

дьяев не ограничивал понимание Пространства только территорией, видел в нем не только внешний, но и внутренний, духовный фактор жизни. При этом он полагал, что «географию русской души» сформировал Восток, и существенным проявлением его влияния стала слабость формообразующих начал в русской культуре, способствующей организации устойчивой повседневности.

Западная культура, как известно, развивается с полным приоритетом категории *пространства*, которое отобразилось здесь, прежде всего, в виде меры длины, расстояния: во всех разделах математики, в геометрии Евклида, начиная от понятия «точки» и кончая новейшими ее достижениями в области космической бесконечности. На Западе венцом творения в мире пространства являются проникновения в тайны микромира и макрокосма путем изобретения микроскопа и телескопа. Особенность западной культуры выразилась также в открытии новых земель, постоянном стремлении покорения немислимых пространств Африки, Азии, Америки, Арктики и Антарктики и, конечно же, космического пространства. Эта культура привела к огромной миграции населения и естественному распространению западной культуры по всему миру. Отсюда – колонизация народов, многократная «перекройка» карты мира, страшные кровопролитные войны, переходящие в мировые. К сожалению, и сегодня такая политика не ушла в область преданий – эта наша современная реальность, принимающая нередко самые уродливые формы.

Восточная культура вообще и культура этносов Байкальского региона в частности – традиционно развивались с приоритетом фактора *времени*. Не вдаваясь в неизведанную толщу восточной культуры, отмечу лишь ее выдающуюся особенность нарушения «западных» законов симметрии. И самая главная из них – взгляд на мир с точки зрения *целостности*. Примечательно, что этот феномен является общим для характеристики

традиционного менталитета всех азиатских народов и русских сибиряков в том числе.

На Западе, как известно, научная мысль пошла по пути расчленения целого на изолированные части, иными словами – по пути анализа. Это позволило получить немало практических знаний, что способствовало промышленному прогрессу. В то же время, как отмечал еще Ф. Энгельс, такой преимущественно аналитический подход привел к господству метафизического способа мышления, утрате понимания диалектической взаимосвязи всего во всем. По его словам, западноевропейская наука, намного превзошедшая Византийскую (восточную) в знании частных, существенно уступала ей в понимании закономерностей целого [2. С. 506].

Русский философ И.В. Киреевский подчеркивал, что, если бы в Древней Руси кто-то захотел преподавать привезенную с Запада политическую экономию, то его не поняли бы – не потому, что эта наука слишком сложна для усвоения, а наоборот – именно из-за ее примитивизма, частичности. Русскому человеку нельзя было бы втолковать, что надо изучать производственные отношения в отрыве от человека, являющегося их носителем. Такая наука могла возникнуть только в «обесчеловеченном» обществе, где рабочая сила стала товаром, а человек – средством возрастания капитала. Русскому человеку такая картина могла бы показаться просто чудовищной [3. С. 290].

На мой взгляд, трудно было бы втолковать нашим предкам и законы эстетики, ибо на Руси не принимали *Прекрасного* в отрыве от *Нравственного*. Именно частичный, а не целостный подход, погоня за наибольшей выгодой без понимания общей связи явлений, конечного результата общественного производства в целом и привели к таким обескураживающим итогам, как всеобщий экологический кризис и идеологический тупик, характерные для жизни современного Запада. Печально, что многие политики современной России, страстно желающие

поменять «пило на мыло», призывают страну следовать этим тупиковым путем.

Приоритетность времени на Востоке, в том числе и у этносов Байкальского региона (бурят, якутов, тувинцев, хакасов, сойот, тофаларов, эвенков и др.), определяет основной инструмент восприятия мира – *наблюдение* (созерцание), которое, с точки зрения материализма, вовсе не является низшей формой познания. Этот инструмент обуславливает особенность менталитета народов, их мышления, заключающегося в установлении взаимосвязей друг с другом и внешней средой. Попытка нахождения многофакторных взаимосвязей позволяет получить особую информацию, которую, по-видимому, никаким микроскопом получить невозможно. Выдающимся достижением восточной культуры является открытие периодичности явлений в контексте вечности – единстве прошлого, настоящего и будущего.

На временной периодичности построены, по-видимому, буддистские писания, которые используются для предсказаний судеб людей, ибо последние (по методологии учения) непосредственно связаны с природой. Очевидно, «временным» характером мышления в целом восточных народов объясняется отсутствие пространственных (территориальных) экспансий. Японцы и китайцы, например, несмотря на словесные притязания к отдельным территориям (Курилы, Тайвань) и имеющийся огромный научно-технический потенциал, в сущности, довольствуются только своей территорией. Монгол не замечает своих пустынных территорий и измеряет их не километрами, а временем прохождения пути («день или два дня пути»). К проявлениям особого отношения ко времени относятся и почитание в восточной (в частности, бурятской) культуре возраста человека. У всех азиатов, как правило, не имеет существенного значения большой возраст человека для занятия им государственного поста. Доминирование фактора времени выражено и в памяти народов, которая хранит время и связанные с ним

выдающиеся события (например, 1000-летие «Гэсэриады», 750-летие «Сокровенного сказания монголов», многовековой опыт тибетской культуры «Чжудши» и др.).

Анализ ментальности современных этносов Байкальского региона, как и стран Центральной и Юго-Восточной Азии, в частности, свидетельствует о том, что традиции восточной культуры настолько устойчивы, что современные науки (математика, физика, химия, биология) развиваются как бы отдельно, не затрагивая или, по крайней мере, не нарушая и не изменяя основ этой культуры. Даже принятие православия прибайкальскими бурятами, эвенками, хакасами и якутами в XIX в., в сущности, никак не способствовало их отходу от шаманизма, языческие традиции которого довольно широко распространены и в наши дни. Ежегодные многолюдные слеты шаманов Восточной Сибири на байкальском острове Ольхон убедительное тому подтверждение. Вместе с тем, серьезное влияние западной культуры (фундаментальных достижений наук) проявляется сегодня в культуре народов Востока, прежде всего, в форме инновационных технологий. Нельзя, разумеется, не замечать и неоднозначного влияния на менталитет народов современных процессов глобализации культуры.

Однако приоритетность пространства – фетишизация количества в западной культуре – привела современный мир на грань катастрофы. По оценкам международных экспертов, даже на уровне потребления настоящего времени сырьевые ресурсы планеты к 2030 году должны быть исчерпаны [4. С. 35]. Именно поэтому и была выдвинута концепция *устойчивого развития* мира, одной из основных задач которой является снижение потребления сырья. Спасение человечества заключается, видимо, в новом витке научно-технического прогресса с доминированием интересов жизни человека, гуманизма в целом, который позволит на основе природосберегающих инноваци-

онных технологий существенно изменить качество потребления.

Последний фактор и есть, по существу, проявление приоритетности *времени*, ибо ориентация на качество продукции перерастает в качество потребления. Действительно, время как объективный феномен функционирования всех уровней природы и общества представляет собой выражение процесса становления определенного качества, будь то материальные образования или элементы социальной сферы, как, например, наука или культура.

В общественной жизни приоритетность времени обуславливает целостность государства. С другой стороны, пренебрежение фактором времени ведет, например, к распаду семьи – основной ячейки любого общества. Когда сегодня в Байкальском регионе растет число разводов – здесь распадается примерно каждый третий брак и каждый третий ребенок воспитывается в неполной семье [См.: 5. С. 28], – то кажется, что социум начинает трещать по швам. С фактором времени связано даже чувство патриотизма, элементы которого хотя и вносятся в общественное сознание какой-либо идеологией, однако в целом заложены в крови человека, чем и объясняется трогательная привязанность этносов Байкальского региона к родным очагам, к родной природе.

В этой связи противоречиво выглядит лишь тенденция того, что культура, скажем, кочевников Азии, обладая, вроде бы, приоритетом времени, почитанием предков, практически не имеет ритуальных погребений (мавзолеев, пирамид и пр.). Так, до сих пор остается тайной, например, место захоронения того же Чингис-хана.

Известно, что монгол Темучжин смог стать Чингис-ханом во многом благодаря тому, что хорошо усвоил традиционную азиатскую культуру самосовершенствования, т. е. культуру, основанную на приоритете времени. Среди письменных «Изречений» Чингисхана, дошедших до наших дней, содержатся мысли, очень

важные в этом отношении. Однако трагедия Чингис-хана, на мой взгляд, произошла тогда, когда он (вольно или невольно) пренебрег ценностями восточной культуры, поставив приоритетом не фактор времени, а фактор пространства. Объективно говоря, поступил в полном соответствии с ценностями не восточной, а западной культуры, доминированием пространства над временем. История таких ошибок не прощает, и империя Великого Чингиса рухнула, как рухнули и все западные колониальные империи. В конечном счете, не имели успеха завоевания пространств Тамерланом, Александром Македонским, Цезарем, Наполеоном и др. Доказательным итогом в этом плане является и распад империи Советского Союза – огромного пространства, занимавшего 1/7 часть суши всего мира.

Развал великих пространственных империй – закономерная точка истории. Вернуть прошлое (т. е. обмануть время) еще никому и никогда не удавалось. Это – рок, фатум, ибо в отличие от пространственного движения, течение времени никогда не обращается вспять – оно необратимо.

В обыденном представлении время есть последовательность моментов и интервалов: минут, часов, дней или лет, которые текут равномерно и с помощью которых мы измеряем все движения и изменения как во внешнем мире, так и в нашей душе. Однако при попытке перейти от обыденного представления к его понятию возникает множество затруднений.

Является ли время непрерывным или состоит из неделимых моментов? И что такое тогда этот момент? Существует ли наименьшая часть времени? Представляет ли время нечто подвижное, изменяющееся или, напротив, оно само неподвижно, а меняются только явления и вещи, возникающие и исчезающие во времени. Неудивительно поэтому, что категория времени всегда присутствует в философии и теологии, в механике и астрономии, в геологии, биологии и психоло-

гии и, конечно же, в исторических науках и культурологии. Удивительно другое: несмотря на горы литературы, посвященные феномену времени, особенно в последнее столетие, число трудных вопросов, как кажется, не только не уменьшается, но скорее возрастает.

Среди вопросов, которые проблемно интересуют лично меня, можно назвать следующие. То, что время влияет на культуру, а культура влияет на время – догадываются многие, а вот каковы закономерности этих процессов, каковы механизмы этого влияния – не совсем ясно и до сих пор. Вполне очевидно лишь то, что современная история сжалась до предела и дальше уже сжиматься вряд ли сможет.

Так, с эпохи Древнего мира до падения Рима прошло 2,5 тыс. лет. Средние века длились уже 1 тыс. лет. На всю дальнейшую историю вплоть до наших дней остается всего 500 лет, т.е. каждый последующий период становится короче в 2,5 – 3 раза. Тенденция эта, скорее всего, сохранится, и переход к следующему этапу мировой истории произойдет в течение XXI века – практически мгновенно. Человечество в связи с этим ждут **БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ**. Время прессует историю, а культура – прессует время. И если бурят или монгол, сидя на лошади в прошлые века, измеряли пространство временем («один или два дня пути»), то теперь при помощи автомобиля они измеряют это расстояние всего несколькими часами, а летя на самолете, и того меньше – минутами.

Вот тут то и возникает проблема. Человечество сейчас напоминает недоразвитого ребенка. Сам вырос – а мозг остался прежним, ибо рост материальной культуры опережает рост культуры духовной. Современному человеку просто не хватает времени освоить все изменения жизни, понять происходящее. Особенно это характерно для эпохи всевозможных реформ. Китайская поговорка гласит: «Не дай нам Бог родиться в эпоху перемен». Мы же, россияне, практически перманентно находимся в этих «переме-

нах» и перестройках. Чего же нам тогда жаловаться, например, на отсутствие национальной идеи, национального идеала в современной России, на отсутствие его формулировки в Конституции страны? На разработку этого идеала, внесение в Основной закон, а тем более, на убеждение народных масс в его привлекательности с помощью культурной политики – просто нет времени. Поэтому-то во многих направлениях социо-культурного движения сегодня мы живем под лозунгом: «Плыви, мой челн, по воле волн...»

Между тем, гениальные российские мыслители прошлого (Н.В. Гоголь, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский и др.) с наличием или отсутствием идеала связывали само условие существования человека и общества в конкретном историческом времени. «Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» – утверждал Ф.М. Достоевский [6. С. 48]. Конечною причину чуть ли не всех бед тогдашней российской жизни он видел в том, что «наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни» [7. С. 51]. Писателя до конца его дней вдохновляла вера в непреходящее конечное торжество идеала. Он считал, что и Россия как государство «должна иметь идеал, отвечающий духу народа, и проводить достойную политику, во всех случаях поступать честно». [8. С. 45-46].

Не имея цели и возможности более подробно останавливаться на всех концепциях времени, лучше адресовать читателей к трудам ученых, представляющих так называемую «философию жизни». Среди них работы Ф. Ницше, В. Дильтея, А. Бергсона, Г. Зиммеля, О. Шпенглера, Л. Клагеса, а также М. Шелера, Х. Ортега-и-Гассета, К. Ясперса, Вяч. Иванова, Ф. Степуна и других. Именно в трудах этих мыслителей изложены психологические, исторические, мифологические и культурологические трактовки *времени*. Изучение концепций времени помогает в свою очередь осознать всю глубину феномена культурного про-

странства – не менее загадочного феномена, чем время.

В прошлых своих публикациях я уже не раз отмечал тот факт, что словосочетания «культурное пространство» или «пространство культуры», хотя и встречаются в научных изданиях и публицистике, однако фигурируют в предельно вольном и абстрактном толковании, чаще всего в административно-территориальном аспекте [См.: 9. С. 21-33]. Справедливости ради замечу, что некоторые философы все же пытаются осмыслить эти феномены, но делают это по-своему, по философски, по-кантовски (тот, как известно, тоже основательно «зашифровал» дефиницию разума, хотя и занимался этой категорией всю жизнь). Читатель может убедиться в этом, посмотрев «Краткую философскую энциклопедию», изданную в 1994г. Это не удивительно, ибо давно замечено, что представители этой дисциплины, не зная четкого и ясного ответа на какой-нибудь конкретный вопрос, основательно запутывают проблему, да так, что простой смертный в ней никогда не разберется. Философы, по справедливому мнению академика Э.А. Позднякова, выраженному в его известной монографии «Философия культуры», «даже придумали свой цеховой язык, что-то вроде жаргона, который понимают они сами» [10. С. 43].

При подготовке данной статьи я и сам было кинулся за ответом к философским сочинениям, и ничего, кроме туманности и абстрактных суждений, не только не приближающих, но и далеко уводящих от существа дела, не обнаружил. «Что есть тогда пространство культуры», задается вопросом доктор философских наук Ф.Т. Михайлов. И сам же отвечает: «Это наше живое, постоянное сотворение общего места для изначально отзывчивого смыслочувствия – общего пространства общности людей друг к другу. И при этом понимание и интерпретация в техническом плане, которые могут иметь различные варианты, разные формы, в принципиальном отношении сливаются в одно...» (Постижение культуры. Еже-

годник РИК. – Вып. 10. – М. – 2000. – с. 160). Интересно, как поняли бы эту «ясную» мысль академика Российской академии образования студенты, пусть даже самые «продвинутые»?

В моем же понимании, не претендующем на исчерпывающий ответ, культурное пространство – это сложнейший территориально-исторически и демографически обусловленный, естественнонаучный, философский, социально-психологический, культурологический и этнологический конгломерат вещей, предметов, идей, ценностей, настроений, традиций, этических норм, эстетических, политических и социальных взглядов, в определенной культурной ситуации проявляющийся в границах конкретного ареала и времени.

Уместно сделать некоторое уточнение. Под «конгломератом» я имею в виду любые проявления культуры, как под знаком «плюс», так и под знаком «минус». Иными словами – как гуманные, так и антигуманные. Вместе с тем, в этой, пусть даже и не лишённой дискуссионности дефиниции, я бы особо подчеркнул слова «времени» и «политических... взглядов» (что само по себе обнаруживает связь культурного пространства со временем и с культурной политикой), ибо «политические взгляды» формируются ничем иным, как культурной политикой. Однако, применяя это столь распространенное в наши дни словосочетание, мы снова нигде не встретим разъяснения сущности его понятия.

Давно обратил внимание на одну странную особенность. Несмотря на то, что всем хорошо известна древняя философская мудрость: «Кто ясно говорит, – тот ясно мыслит», поступаем мы все же с точностью наоборот. Весьма часто говорим даже на уровне государства так, что приходится сомневаться в ясности мысли говорящего. «Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», – гласит житейская мудрость. Хотя вполне понятно, чтобы стать умным, надо сходить именно «в гору», ибо, чтобы восхищаться произведениями искусства эпохи Перикла или по-

нимать красоту философского мышления Платона, надо хорошо позаниматься над собой, прилагая немалые усилия в покорении вершины знания. А чтобы понимать смысл частушки, действительно, в гору ходить не следует.

Распространенные перлы сегодняшнего дня: «Мы строим правовое государство»! Как будто не ясно, что любое государство (даже фашистское) строится только на праве и без права становится абсурдом. «Нас спасет устойчивое развитие!», хотя многие догадываются, что устойчивость – смерть любого развития.

В этой связи таким же непонятным фантомом является и запущенное недавно в общественное и научное пространство словосочетание «культурная политика», ибо встретить четкое разъяснение этого понятия даже в появившихся недавно крупных монографических работах Т.В. Беловой, И.И. Горловой, В.С. Жидкова, К.Б. Соколова и других авторов представляется весьма проблематичным. [См.: 12].

В качестве примера обратимся к самому «осведомленному» научному изданию «Культурология. XX век. Энциклопедия» [См.: 13]. Результаты обращения к этому фундаментальному труду нас разочаруют: определение «политической культуры» вы здесь найдете, а «культурной политики» – нет. Однако согласимся, что эти два феномена далеко не одинаковы по содержанию. Не удалось мне пока что встретить ясного определения «культурной политики» и в научных статьях по проблемам культуры, хотя многочисленные их заголовки посвящены именно культурной политике.

Стоит ли после этого удивляться громким стенаниям современных ученых, дипломатов, политиков по поводу того, что люди, народы и страны не слышат и не понимают друг друга, если даже в одноязычной среде мы привыкли говорить «на разных языках», вкладывая в одно и то же словосочетание какой угодно смысл, не ограничивая себя никакими определительными рамками. При таком положении, конечно, ни о каком

продуктивном диалоге и речи не может быть. С другой стороны, такое положение ни к чему хорошему не может привести даже в повседневности, в быту, тем более оно недопустимо в науке. И это не морализаторство, а жесткое требование научной этики: употребляешь понятие – дай разъяснение, какой смысл ты в него вкладываешь.

Нет, прав, тысячу раз прав был Декарт, который заметил: «Определите значение слов, и вы избавите человечество от половины заблуждений». Следуя совету великого философа, попытаемся поразмышлять над понятием «культурная политика». Однако уже при ближайшем рассмотрении становится вполне понятным, почему большинство представителей «научного цеха» старательно «избегают» объясниться по существу поднимаемого вопроса. Впрочем, наш дискурс будет всего лишь версией и не более того.

Первое, что приходит в голову автора, это то, что в широком понимании словосочетание «культурная политика» – это терминологический нонсенс, абсурд, «масло масляное», ибо оно априорно предполагает, что есть какая-то и «не культурная политика». А это уже мистика. Все культурологически грамотные люди прекрасно знают, что политика, как, впрочем, и экономика, наука, искусство, религия и идеология, со всеми потрохами атрибут культуры, и ничем иным быть не могут, так как культура есть плод воображения и политика есть не что иное, как воображение, проектирование. Разумеется, если люди при этом под культурой понимают не только плоды деятельности человека и поступки под знаком «плюс», которые радуют глаз и ухо, но и под знаком «минус».

В культуре одновременно уживаются Ангелы и Бесы, Пол Пот и мать Тереза, Гитлер и Швейцер. Есть, например, люди, которые предпочитают сморкаться при помощи носового платка, но есть и другие, которые то же самое делают при помощи трех пальцев. Означает ли это, что первые люди культурные, а вторые

не культурные? Обыватели и даже чиновники органов культуры любого ранга ответят утвердительно, обнаруживая свою полную культурологическую безграмотность. На самом же деле и те, и другие – существа культурные, хотя бы потому, что они *ЛЮДИ*, ибо животным – культура не нужна. Им все сполна дала природа. Человек же лишен очень многого, что и восполнил с помощью культуры.

Есть немало людей, которым нравится петь незамысловатые современные песенки-однодневки, а есть эстеты, которые со слезами умиления на глазах готовы жить и умереть «под музыку Вивальди, под славный клавесин». Так было, так есть и так будет всегда, пока существуют на земле Человек и его Культура. Дело здесь не в отсутствии культуры, а в ее уровне. У каждого человека – он свой. «И в каплях слез улыбается солнце», говорят японцы. Нет абсолютных плюсов, как и абсолютных минусов – продолжим и мы, эту светлую диалектическую мысль. Поэтому, на мой взгляд, терминологически целесообразно было бы использовать термин «политика в области культуры», а не термин «культурная политика». Ну, коли уж в нашей литературе укоренился последний из них, надо бы объясниться, а что мы под ним понимаем?

Научные исследования феномена культурной политики восходят к концу 60-х годов XX столетия, когда в ходе дискуссии под эгидой ЮНЕСКО в 1967 году в Монако была подчеркнута необходимость признания некой «общечеловеческой» модели культурного поведения государства. И хотя, как отмечают И.И. Горлова, В.С. Жидков, О.И. Карпухин, трактовка понятия «культурная политика» сегодня весьма многозначна, все же существует сформулированная ЮНЕСКО трактовка этого феномена. Культурная политика при этом предстает перед нами, как комплекс операционных принципов, административных и финансовых видов деятельности и процедур, которые обеспечивают основу действий государства в области культуры...

направленных на достижение определенных культурных целей посредством оптимального использования всех физических и духовных ресурсов, которыми располагает общество в данное время».

Такая трактовка культурной политики меня могла бы вполне устроить, если бы в ней не преувеличивалась роль государства. Государство в этом процессе монополистом быть не только не может, а даже и не сможет. Творцом культуры, а стало быть и культурной политики, является все же народ, общество и его консолидирующие институты, в том числе, разумеется, и государство. Исходя из этого, *культурная политика*, с моей точки зрения, есть ничто иное, как *систематическая деятельность народных масс, государства, классов, политических партий, самостоятельных общественных объединений, школы и церкви* в конкретное время и в конкретном пространстве, определяемая их интересами и целями, которые достигаются последовательным решением поставленных задач с помощью специфических средств и методов. Каковы же характерные черты культурной политики в пространстве современной России вообще и Байкальского региона в частности?

В свое время русскому поэту А. Блоку, как справедливо подмечает И.В. Кондаков во «Введении в историю русской культуры», удалось почувствовать и гениально сформулировать мысль о том, что культура, жизнь и политика – это три разные, даже противоположные субстанции, ибо политика это не «жизнь», а эксперимент над жизнью, т. е. своего рода «искусство». Однако политика так же неорганична подлинному искусству и культуре в целом, как и жизни, потому что она есть насилие над жизнью и культурой. Она есть произвол экспериментатора, попытка втиснуть реальность в теоретическую схему, сделать утопию реальностью, что без помощи лжи и насилия («родимых пятен» любого государства) сделать невозможно.

При этом невозможно и абстрагироваться от соседства этих трех несовмес-

тимых явлений, от их конфликтного взаимодействия: политика всегда претендовала перестраивать жизнь и командовать искусством, искусство оглядывалось на политику и жизнь, споря с ними, а жизнь отвергала и искусство, и политику как искажение реальности, как идеал, далекий от бытия. Отсюда их «неразделенность и неслиянность» (формула, обычно употребляемая русскими богословами при характеристике Троицы). И Блок признал, что наступила эпоха «крушения гуманизма», внутренне примерился с этим и умер... Нечто похожее, происходит и в современной российской культуре, в которой неразделенность и неслиянность далеких и конфликтных начал становится нормой [14. С. 630].

Подобные полосы в истории России – явление, периодически повторяющееся. Конечно, в этом признании для нас, современных россиян, мало утешительного, ибо «смутные времена» в истории русской культуры иногда длились десятилетиями. Но нет худа без добра. Утешение появляется в другом: никакие более или менее «ясные времена» в истории отечественной культуры не были особенно яркими и плодотворными в творческом отношении. Идеальная и общественно-историческая «ясность» не стимулировала новых культурных ценностей и смыслов. Парадоксально, но все культурные достижения, которые составили национальную гордость и славу России, рождены в весьма «некомфортных» ситуациях: голоде, холоде, войнах, революциях, бунтах и погромах, гонениях на интеллигенцию и бесконечных процедурах «закручивания гаек».

Например, все свои выдающиеся произведения А.С. Пушкин написал в ссылках, а Ф.М. Достоевский в условиях постоянной нехватки денежных средств, проживал в промерзшей петербургской квартирке. Граф Л.Н. Толстой, хотя и проживал в своем собственном имении, но практически всегда испытывал огромный духовный дискомфорт, особенно в последние годы своей жизни. Практически все свои произведения (книги и

картины) декабристы написали на кают-компании – «во глубине сибирских руд».

Иногда даже создается впечатление, что чем больше давление на культуру, чем более сильным испытаниям она подвергается, испытывается на прочность – тем интереснее и поразительнее ее реакция, ее отпор. «Поистине, – как подчеркивает В.И. Кондаков, – в культуре, как в ньютоновской механике, действие равно противодействию. Причем ответ культуры на вызов времени по своим масштабам и культурной значимости часто превосходит свой первоначальный стимул» [15. С. 630].

Как в теоретическом, так и в практическом плане весьма значимо то, что при формировании культурной политики в Байкальском регионе, как и России в целом, крайне важно чувствовать баланс между двумя ее аспектами: инновационным (открытостью новому) и традиционным (сохранением исконно национального, исторического ценного). Однако то обстоятельство, что проблема инноваций в области культурной политики ни на уровне правительства, ни на уровне министерства культуры России и, тем более, на региональном, даже не ставится – вызывает недоумение в обществе. А это свидетельство того, что в России культурной политики (не на словах, а на деле) как таковой пока еще нет вообще – ни на федеральном, ни на региональных уровнях.

Негативным фактором в этой связи является и то, что большая часть общества оказалась абсолютно неприспособленной к жизни в постсоветском пространстве. Дело в том, что подсознание человека меняется медленнее, чем сознание. Человек, воспитанный на коммунистических идеалах, может быть и понимает сознанием, что действовать надо по рыночному, но подсознание его еще не успело приспособиться к рыночным отношениям. Есть немало людей, особенно пожилого возраста, которые могут быть и подозревают утопичность некоторых коммунистических идей, но все равно тоскуют по объединяющей идее социа-

лизма. Особенно это касается тех из них, которым чужд личный эгоизм, которые остаются искренними коллективистами. Хотя в России и ее регионах и имеется высокий культурный потенциал, но он освоен крайне слабо: лишь небольшая часть общества умеет пользоваться объектами общественной культуры. Большинство же не имеет навыков обращения с ними и на ценностном уровне оправдывает это положение. Отсутствие в стране культурных институтов, помогающим такому освоению, которое зависит от средств массового распространения культурных ценностей и массовой готовности, желания людей активно приобщиться к этим ценностям, еще более обостряет эту проблему.

Формирование культурной политики, безусловно, зависит и от мировоззрения самих деятелей культуры и искусства. В этой связи крайне важно учитывать, что современная ситуация определяется противоборством двух глубоко укорененных в умах и сердцах деятелей российской культуры начал – тоталитарного и анти-тоталитарного. И дело даже не только в политическом противостоянии «демократов» (в кавычках и без кавычек) и неокommунистов, а также националистов различного толка. Речь идет об умении культурной элиты владеть навыками работы в условиях свободы и несвободы, творческой активности и пассивности, репродуктивности и творческого поиска, разрушающего шаблоны и стереотипы культуры.

Перед каждым деятелем культуры России сегодня остро стоит проблема выбора: либо идти опасным, неизведанным путем, полным лишений и непредсказуемых поворотов, либо двигаться по инерции, по привычным российским и советским стандартам, опирающимся на апологию всемогущего государства (восточно-деспотического по своему типу), все решающего за нас, всему покровительствующего (если это заслуживает его внимания) и столь же властно карающего все, что противоречит его высшим целям роста и господства.

Знаменитый горьковский вопрос: «С кем вы, мастера искусств?», заданный еще в первой половине XX века, сегодня опять актуален: или культура идет в услужение к государству, поэтизируя его мощь, величие, единство, целостность, или культура развивается сама по себе, представленная всем подстерегающим ее случайностям и невзгодам.

Повторюсь еще раз: выбор у нас один из трех – либо единство идеологии, воли и действий всего народа под руководством государства, либо плюрализм мнений и толерантность, либо некий «гибрид» того и другого при ясном понимании приоритетов государства и праве личности на выбор в определенных пределах некоторых отступлений от «общих правил» в своем творческом поиске.

Известно, что формирование образов в головах и сердцах людей – это не только одна из главных функций культуры, но и системы образования тоже, ибо образование – важнейший канал культуры. Есть и еще достаточно эффективный канал культуры – средства массовой информации (СМИ). Если эти каналы забиты «тромбами», то никакого обогащения «кровью-культурой» «организма-общества» не получится. Сами по себе и «кровь-культура», и «каналы-сосуды» ничего не значат. Они сильны своим единством. Такого единства в российской действительности на сегодняшний день не существует, даже на институциональном уровне. Зачастую и культура, и образование, и СМИ ведут себя, как персонажи крыловской басни: «Лебедь рвется в облака, рак пятится назад, а щука тянет в воду». Парадоксально, но факт: образование (наконец-то), наряду со здравоохранением, жилищным строительством и сельским хозяйством, стало объектом национальных программ, а культура – нет. Иными словами: сосуд, канал, пустая «трубка» стала (слава Богу!) дополнительно финансироваться, а «кровь-культура», которая призвана обогащать мозг и сердце человека – прозябает на голодном пайке. Особенно на селе, где

повально закрываются сельские библиотеки и клубы, а у сельской молодежи остается только один путь – на конопляное поле...

Вывод из этого можно сделать только один: инициаторы такого «национального проектирования» так называемой «культурной политики» обнаруживают полный дилетантизм и культурологическое и политологическое невежество в элементарном понимании сущности феноменов культуры и политики вообще и их синергетической связи с феноменом образования, в частности.

Кстати, это хорошо понимали большевики при формировании первого советского правительства, когда был создан Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) во главе с А.В. Луначарским. Этот государственный орган руководил развитием и культуры, и образования. Конечно, в те годы были другие задачи, главная из которых – ликвидация неграмотности – была успешно решена в кратчайшие сроки. Однако при формировании современной культурной политики, как мне представляется, без реформирования управленческих структур культуры и образования не обойтись. Это тем более важно при ликвидации повальной «неграмотности» в умении вести межкультурный диалог внутри многонациональной страны и со всем миром. Для меня совершенно ясно: если мы хотим, чтобы культура и образование проникали во все «поры» общества, мы должны готовить кадры, готовить людей для современного жизнеобеспечения государственного организма. Этим плодотворно, без межведомственных «раздраев» должен заниматься только один государственный орган, объединяющий под своим началом культуру, образование и СМИ. Одни цели, одни задачи, один бюджет, одна на всех культурная политика, один спрос за ее результаты.

Печально известно, что финансирование культуры находится на последней строчке в бюджетах всех уровней. Надеяться на то, что государство в этом отношении «поумнеет» – наивно. Начиная с

Ивана Грозного, впервые реализовавшего официальную культурную политику, по факту («Домострой», «Стоглав») в противовес неофициальной, государство всегда находило более приоритетные цели для финансирования – будь то обороноспособность, сельское хозяйство, освоение космоса или, скажем, реформа ЖКХ. Это понятно, ибо утопающий человек вряд ли будет восхищаться эстетикой музыки Моцарта или образами Данте. Он будет спасать свою жизнь – вот его приоритет в этой ситуации. Однако, выбравшись на берег, ему потребуется культура. Она востребована всегда, хотя и требует немалых средств. Но рыночные отношения в сфере культуры идут пока еще «медленным шагом, робким зигзагом». Да и допускать «рынок», например, в духовную сферу, в конечном счете, весьма опрометчиво.

Причина такого положения не только в инертности самих органов культуры, но и в несовершенстве нормативной базы деятельности ее учреждений. Даже коммерчески-инициативный работник культуры в России сегодня буквально связан по рукам и ногам различными табу, или его просто замучат бесконечные визиты «искусствоведов» в штатском из всех мыслимых и немыслимых фискальных органов. Пока существует это препятствие – полноценной культурной политики не будет, или же она будет долгое время в лучшем случае вялотекущей.

На собственном примере знаю: редко, очень редко кому из тех, кто выступал публично по проблемам духовности в городах и селах, например, Байкальского региона, не приходилось слышать в ответ (со ссылкой на Энгельса): прежде чем философствовать о проблемах духовной культуры, люди должны есть, пить, одеваться, иметь жилище... Абстрактно говоря, это положение совершенно справедливо: если люди помрут голодной смертью, то они не смогут философствовать. Но ведь те слова Энгельса повторяют отнюдь не в обществе людей, умирающих голодной смертью. Их толкуют так: вот наедемся досыта, обеспечим всех

квартирами и т. п., тогда и возьмемся за воспитание духовности. А это уже совершенное непонимание жизни. Если в человеке своевременно не сформированы духовные потребности, он, как правило, втягивается в гонку за материальными благами, которой нет конца, и так и умирает, не родившись для жизни духа, и лишь немногие, часто под влиянием страшных потерь и потрясений – вдруг прозревают и начинают осознавать бессмысленность своего прежнего бытия.

Отсутствие научно-обоснованной культурной политики как на федеральном, так и на региональном уровне, потенциально опасно. Например, государство ничего не говорит внятно по поводу все возрастающих масштабов идущего с Запада далеко не однозначного процесса глобализации культур. Разговоры об угрозе глобализации ведут только ученые. Скоро придет пора, что и глобализовать-то будет нечего. Сегодня, начиная от Нью-Йорка и Парижа, кончая далеким таежным поселком на Байкале, все уже ходят в одинаковых шортах, пьют одну и ту же «Кока-колу» или «Фанту», жуют все тот же «Сникерс», слушают одну и ту же музыку, а дети засыпают не под безобидные песенки Крокодила Гены, а под жуткие вопли мистера Скруджа (из диснеевских мультфильмов) - «Я тебя убью!.. Где мои деньги!..»

Спору нет, в глобализации есть много положительного. Ну хотя бы то, что этот процесс позволяет людям приобщиться к ценностям других культур. Беспокоит другое. Почему этот процесс односторонен? Почему этому процессу так слабо противостоят ценности традиционных культур народов? С другой стороны, стихийное противодействие процессам глобализации на этнорегиональном уровне не всегда продумано и исторически оправдано. Например, сегодня в национальных республиках и округах Байкальского региона некоторые «ревнители» чистоты какой-либо тувинской, хакасской, якутской, бурятской или эвенкийской культуры призывают на страницах газет к так называемому «возрож-

дению культуры» этносов сквозь призму фольклорного мировоззрения. Адекватно ведут себя, не являясь исключением, и идеологи русских националистических организаций. Что же, в самом деле, означает это пресловутое «фольклорное мировоззрение»?

Ничего не имея против истинных ценностей фольклора как памятников культуры, все же замечу, что фольклор многих этнических групп создавался в эпоху первобытности или родового строя. Он отражал времена жестоких межплеменных войн, прославляя воинов и богатырей. На мир сказочник смотрел глазами раба природы и стихийных явлений. У этих этносов, как правило, сильны языческие традиции. И сегодня, уже в XXI веке, усилиями некоторых идеологов, а по сути, псевдопатриотов, в степень национального достоинства возводятся черты национальной ограниченности, тормозящие развитие культуры своего же народа.

Таким «подвижникам», псевдо-борцам за чистоту этической культуры, хочется посоветовать – будьте последовательны до конца! Если вы уж такие радители «чистоты» своей культуры, то откажитесь от всего того, что привнесено в нее из других культур. Например, откажитесь от бумаги и пишите на глиняных дощечках, шкурах баранов или на бересте, так как бумага – это достижение все же не вашей, а китайской культуры, а заодно и не играйте в шахматы, откажитесь от сахара, перестаньте пользоваться компасом, порохом, арабскими цифрами, латинским алфавитом и кириллицей, нотами, металлическим шрифтом, радио, телевидением... Пересядьте с автомобилей на ишаков, лошадей и верблюдов, не делайте прививки от оспы и кори, вообще не пользуйтесь достижениями многих естественных, западных наук и т. д. Не забудьте все поголовно переехать из благоустроенных квартир в юрты, яранги и чумы. Только тогда вы и будете последовательными борцами за чистоту своей этнической культуры. Однако этот путь неминуемо должен привести людей

опять в пещеру. К счастью, такого не произойдет (недавние попытки афганских талибов вернуть народ в средневековую культуру – тому пример), так как в динамике культуры неумолимо действует закон преемственности и развития. А закон – он и есть закон. С ним надо считаться.

Между тем, борьба за сохранение традиционных ценностей этнических культур становится сегодня мощным фактором национального движения во всем мире, в России и в ее регионах в том числе. Однако культура не может быть чьей-то собственностью, потому что она процесс, а не результат. И проблема сегодняшнего дня заключается в сложности оживления этого процесса, а не в создании неких имитационных параметров культуры прошлых поколений. Нам давно пора понять, что современным народам нужно создавать новую жизнь, новую экономику и соответствующую им новую культуру, разумеется, с учетом своей национальной специфики. Для этого нужно строить новую культурную политику, искать условия и основания для распространения демократических установок и общечеловеческих ценностей как фундамента миротворческих усилий по преодолению конфронтации на национальной почве.

Одним из этих условий выступает отказ от устаревших стереотипов в понимании природы национального, в существенной корректировке представления о соотношении национального и интернационального. Они не должны противопоставляться друг другу. Если национальное выступает выражением тех культурных различий в поведении определенной общности людей, которые отражают, прежде всего, специфику их этнических традиций и культуры, то интернациональное – выражением того, что тождественно в этом поведении с поведением представителей других национальных общностей и, следовательно, приемлемо для них всех.

Интернациональное нужно понимать как многонациональное. Возможность

развивать национальную культуру сегодня никто ни у кого не отбирает, наша беда в том, что мы можем утрачивать эту способность, живя по канонам общеевропейской культуры под воздействием процессов глобализации. Этим автор статьи вовсе не противопоставляет национальную и европейскую культуру, помня о том, что еще классик западной социологической мысли Э. Дюргейм показал, что в новых условиях кровное родство, наследственная религия, общность обычаев и культурных традиций, чувство национальной солидарности и общности могут значительно ослабевать под воздействием разделения труда, секуляризации и урбанизации, но не исчезать полностью. Напротив, при определенных исторических обстоятельствах, способствующих возрождению и укреплению сложившихся коллективных символов, ритуалов и идеалов, они способны значительно усиливаться, и вызывать у людей настойчивое стремление ощутить себя членами национальных групп и элит.

Современные процессы «национализации» общественного сознания этносов Байкальского региона происходят под воздействием целого комплекса детерминирующих и стимулирующих факторов: экономических, политических, идеологических, социальных и культурных. Все эти процессы надо изучать и учитывать в ходе проектирования культурной политики. Посредством культурной политики мы можем планировать и реализовать ряд процедур, направленных на ослабление и постепенную ликвидацию ложных конфликтов, поскольку в основе многих межнациональных столкновений лежат не объективные противоречия, а непонимание позиций и целей другой стороны, непонимание ценностей чужой культуры, приписывание ей враждебных намерений, что и порождает неадекватное чувство опасности и угрозы. При этом вряд ли стоит забывать, что еще в начале XX века структуралистская концепция культуры К. Леви-Стросса исходила из приоритетности не-

корректно называемых «примитивных» культур, а не культуры Нового времени.

Особая проблема – это культурная политика в культурном пространстве национальных республик и округов. На сегодняшний день, например, в основных нормативно-правовых документах законодательной и исполнительной власти Бурятии культурная политика не зафиксирована в качестве атрибута политического и социокультурного процесса. Соответственно, не существует и идеальной модели региональной культурной политики. Вместе с тем, в Бурятии, как и в целом в Восточной Сибири, постоянно осуществляется множество мероприятий в сфере культуры, которые поддаются анализу, дающему возможность выявить особенности культурного процесса. Эти особенности характеризуются следующим образом:

Во-первых, бессистемностью и несогласованностью мероприятий в сфере культуры. «Тактическое» количество мероприятий далеко не гарантирует «стратегическое» качество. При таком положении всегда будут возникать вопросы типа: «А почему надо проводить именно это мероприятие, а не какое-то другое?»

Во-вторых, отсутствием последовательных, четко сформулированных задач и приоритетов культурной политики, концепций развития культуры в целом.

Однако отсутствие политики тоже политика. Анализ конкретно-исторических реалий такой культурной политики регионального образца позволяет дать ей следующее определение: современная российская региональная культурная политика есть результат бессистемной деятельности субъектов социокультурного процесса, целью которого является реализация личностных или групповых прагматических интересов (например, выборных компаний) с использованием потенциала учреждений культуры.

Между тем, сегодня как воздух необходима выработка региональной культурной политики, соответствующей времени как идеальной модели социокуль-

турного развития конкретного культурного пространства. Возможный вариант подобной модели может быть сформулирован в структуре прикладной культурологии и содержать следующие составляющие: структура, сущность, цели и стратегические приоритеты региональной культурной политики.

Известно, что теоретическая (фундаментальная) культурология имеет большие возможности познания феномена культуры, а прикладная культурология накопила достаточный потенциал анализа реальных социокультурных процессов. Иными словами, теоретическая культурология способна зафиксировать, проанализировать и обобщить конкретно-исторические реалии, в которых развивается культурная политика, а прикладная культурология способна выработать систему идеальных моделей культурной политики, органично дополняя научные возможности друг друга. Все это говорит о том, что представители властных структур, которые сегодня явно недооценивают возможности культурологии, должны максимально использовать потенциал культурологической науки, поставив его на службу практике.

Современная полоса разоблачений ущемления гражданских прав в некоторых регионах и обвинительные упреки региональных руководителей друг друга в разжигании межнациональных конфликтов, особенно заметные в период всевозможных выборных кампаний, не могут привести к каким-либо положительным результатам развития социокультурной ситуации в регионах. Здесь скрывается опасность использования более страшного культа, чем культ личности Сталина. Это культ народа, культ народной «правоты» и «народной мудрости». А если говорить точнее, то охлократии – власти толпы, а не народа, ибо народ это все и никто. Это самая опасная из всех социальных абстракций, поскольку именно во имя народной пользы веками уничтожались конкретные живые люди, семьи и даже целые народы. Тираны всех мастей всегда прикрывались святым

именем – «народ». Олигархи и бомжи – тоже представители народа, но что у них общего?

В заключение следует подчеркнуть, что сегодня в культурном пространстве России в целом и ее регионов, в частности, культурная политика фактически пока еще не выработана и находится в стадии спонтанного развития. Это обстоятельство начинает осознаваться учеными-культурологами как угроза политической стабильности и национальной безопасности. Современные российские культурологи, публицисты, общественные деятели предлагают свои модели развития российской культуры. Станет ли культурная политика (общероссийская и региональная) научно разработанной государственной программой – покажет будущее. Тем не менее, любая перспектива решения данного вопроса станет показателем истинной сущности и направленности реформ сегодняшнего российского общества.

В порядке заключения надо ответить на один важный вопрос: «Есть ли надежные предпосылки формирования современной культурной политики в Байкальском регионе?» Да, такие предпосылки есть. Более того, они достаточно фундаментальны. Исторически сложилось так, что, например, Восточная Сибирь всегда выступала местом притяжения социально-активной части населения страны, которая либо закреплялась здесь на постоянное жительство, либо трудилась в активном возрасте. До революции отсутствие в регионе разветвленной бюрократической системы, глубокого сословного деления и административного надзора способствовало складыванию здесь более демократических порядков в местном самоуправлении, проявлению населением большей инициативы в хозяйственно-производственных делах. Своеобразные условия жизни сформировали здесь более самостоятельного, чем в центре России, работника, который был готов нести ответственность за результаты своего труда. В немалой степени эти профессиональные и гражданские качества про-

должали воспроизводиться также и в советские годы.

И в настоящее время среди населения Восточной Сибири значительное место занимают социальные и профессиональные группы, члены которых обладают характеристиками, весьма значимыми в условиях нынешней модернизации. По целому ряду экономических, социальных и культурных показателей: большой удельный вес трудоспособного населения; в ряде районов высокая концентрация квалифицированных кадров; наличие мощных научно-индустриальных, образовательных центров, которые могут трансформироваться в техно-культурополисы; богатейшие природные ресурсы; отсутствие межнациональных столкновений; наличие политических лидеров, способных увязывать региональные приоритеты с общероссийскими и т. п. – Восточная Сибирь обладает наибольшим в стране потенциалом модернизационных преобразований и – что приобретает решающее значение – длительного и динамичного развития.

Все это может вывести Байкальский регион в целом в лидеры модернизации в России. К подобному выводу приходят сегодня не только аналитики, но и хозяйственные руководители, политики, обладающие стратегическим чутьем, умением видеть перспективу страны. При этом как те, так и другие, как правило, исходят из необходимости для России, вытекающей из ее геополитического положения, курса на сближение не только со странами Запада, но и со странами Центрально-Азиатского и Азиатско-Тихоокеанского регионов, которые, согласно прогнозам, будут занимать в XXI веке ведущее положение в мировой экономике.

Вместе с тем, в модернизационном проектировании культурного пространства Байкальского региона вообще и формирования культурной политики, в частности, предстоит учитывать негативные воздействия целого ряда факторов: слабую освоенность целого ряда территорий, недостаточную плотность населения, высокий уровень текучести

рабочей силы и миграционный отток молодежи, слабое развитие транспортной инфраструктуры и т. п. Наличие комплекса таких факторов требует от центра максимальной увязки общегосударственного курса в отношении Восточной Сибири и собственно региональной политики развития, которая должна выработываться в самом регионе, в его отдельных районах и на местах.

Вряд ли стоит забывать при этом поучительные факты истории, когда и Вавилон, и Афины, и могучий Рим – все эти города-монстры питались исключительно соками своих провинций, и когда эти соки иссякли, иссякла и жизнь самих монстров... Лишь при известном равновесии между центрами и провинцией возможна жизнь и тех, и других, и развитие или упадок последних неизбежно должны отражаться самым роковым образом на первых.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Заметки социолога. // Соч. Т. 20.
3. Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979.
4. Яковец Ю. В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. М., 2001.
5. Иванов Е. Ю., Букин А. Г. Брак. Семья. Родство. Чита, 2004.
6. Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г. // Полн. собр. соч. Т. 24.
7. Там же.
8. Там же. Т. 23.
9. Кургузов В. Л. О понятии «культурное пространство» и проблеме самоидентификации его регионального образца. // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии: материалы междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2002.
10. Поздняков Э. А. Философия культуры М. 1999.
11. Постижение культуры. Ежегодник РИК. М., 2000. Вып. 10.
12. Белова Т. В. Культура и власть. М., 1991.
- Горлова И. И. Культурная политика, культурологическое образование: региональный аспект: монография. Краснодар, 1997.
- Жидков В. С., Соколов К. Б. Культурная политика России: теория и история. М., 2001.
13. Культурология. XX век: энциклопедия / под ред. С. Я. Левита. СПб. 1998.
14. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры. М., 1997.
15. Там же.